

УДК 821.161.1.09-3:82'06

АЛМА-АТА КАК ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Э. Ф. Шафранская, Е. В. Лебедева

Московский городской педагогический университет
кафедра русской литературы

На материале прозы Дины Рубиной и Юрия Домбровского рассмотрен алма-атинский хронотоп их прозы, свидетельствующий о наличии алма-атинского локального текста в русской культуре. Основные паттерны алма-атинского текста – яблоки, горы, река Алма-Атинка (иные локусы), тополя и др.

Ключевые слова: *Алма-Ата, локальный текст, Дина Рубина, Юрий Домбровский, паттерны.*

Существует ли в русской культуре локальный текст Алма-Аты (или алма-атинский текст)? В поисках ответа мы провели устный опрос среди коллег и студентов, а также интернет-анкетирование, предложив элементарный вопрос: «Какие ассоциации вызывает у вас топоним Алма-Ата?» Мы не будем перечислять все ответы, назовем те, которые повторялись, а также оригинальные, на наш взгляд. Группа отвечающих – вполне репрезентативная, чтобы делать обобщение. Итак, ответы: столица / столица Казахстана (хотя, как известно, это уже не столица); яблоки; горы; Медео. Были ответы: Домбровский; эвакуация Зоценко.

Ответ «яблоки» лидирует. Были ответы детализированные: «Сорт сохранили в Гарме, горный Таджикистан. Если кто хочет понять, что такое алма-атинские яблоки – тем туда. Огромные, красные, реликтовые»; «В Таджикистане вообще хороших яблок нигде больше нет, только – гармские. Садовники по секрету говорили: алма-атинские»; «Я помню, как привозили эти яблоки из Алма-Аты – огромные, темно-красные, гранатового цвета. Квартиру сразу заполнял удивительный аромат; мякоть была хрустящая, персикового цвета, и совершенно особенный вкус. С годами они стали мельчать, мякоть превратилась в кашу, довольно безвкусную, они, как говорили мне знакомые агрономы, выродились. Печально, но факт. А вкус и запах этих яблок помнят только старожилы, которым под 80. А раньше они были чудом!»

Наиболее интересным выглядит ответ: Алма-Ата – это «маленький Ташкент», который встраивается в нашу концепцию ташкентского и туркестанского текста (см.: [9]).

Таким образом, если город вызывает ассоциацию в виде образа или его детали, культовых локусов, персоналий, ландшафта, а также в виде слухов, молвы о месте, в виде характерных артефактов и др. – и когда все эти ассоциации и образы тиражируются в речи, а также литературными произведениями, то можно говорить о наличии локального текста, в нашем случае – алма-атинского.

Писатель вправе селить своих персонажей где угодно – в любом, интересном ему, автору, географическом пространстве. И тут вступает в свои права «ткань» места или города, влияющая на сюжет, поведение персонажей, создавая, помимо воли автора, свою, локальную атмосферу, диктуя сюжету свои локальные законы.

«Ткачами» алма-атинского текста в русской литературе можно назвать современного писателя Дину Рубину и Юрия Домбровского, который, безусловно,

один из слагаемых этого локального феномена – и по праву долгого проживания в Алма-Ате, и по хронотопу двух его романов – «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей».

Рассказчица Дины Рубинной, в контексте всей ее прозы «навсегда ужаленная Европой» [7, с. 459], путешествует с одной непреходящей мыслью – поиском следов уничтоженного еврейства: она ищет их в Испании, Германии, Италии, Франции, Чехии, Австрии. В ее романах представлена широкая географическая палитра: Львов, Сахалин, Ленинград (Питер), Одесса, Иерусалим, Прага и другие города. Историко-смысловая мотивация, закреплённая за этими топонимами в романах Рубиной, понятна и объяснима сюжетами произведений. При этом уникален механизм культуры места, воздействующий на сюжет произведений. Феномен *genius loci*, или гений места, является характерной чертой рубинской поэтики. Все места, в которых оказываются ее персонажи, выписаны со страстью и со знанием того спектра, который входит в понятие «локальный текст».

Рассказчица не оставляет своим вниманием и Восток, а именно – бывший советский Восток; здесь ее героини предаются рефлексии: как было и как стало. Взгляд рассказчицы останавливается на приметах и сигналах утраченной цивилизации городов-Вавилонов. Таким был Ташкент в романе «На солнечной стороне улицы». Тема Ташкента всплывает не только в этом сугубо «ташкентском романе», она намеком, деталью, воспоминанием, сравнением обнаруживается в прозе Рубиной повсюду, это также стало чертой рубинской поэтики.

И вдруг появляется совершенно новый для Рубиной локус – в романе «Русская канарейка» (2014). Это Алма-Ата. Именно в таком написании, а не в новой версии (Алматы). Этот графический жест дает установку, что речь пойдет о советском периоде восточного города.

Действие романа «Русская канарейка» завязано на истории двух родов – алма-атинского рода Ильи, отца Айи (главной героини), и одесского рода Этингеров. Однажды, в предреволюционное время, Николай Константинович Каблуков будет стоять влюбленным под окном одесской девушки Эсфирь Этингер. Пройдут гражданская война, Отечественная; тот влюбленный Каблуков уже давно будет вить гнездо в Алма-Ате, а Эсфирь вернется из действующей армии в разоренную Одессу. У племянника Каблукова – Ильи в Алма-Ате родится дочка Айя. У Эсфирь в Одессе появится родственник – мальчик Леон Этингер – то ли от племянницы, то ли от сестры (так закручена сюжетная интрига). Повзрослев, эти два молодых человека, Айя и Лео, они же главные персонажи романа, встретятся за океаном, на экзотическом острове, и полюбят друг друга. Дальше читателю предложена подноготная главных героев, и, чтобы понять и Айю, и Лео, в контекст каждого из них вплетен образ города.

Так мы подошли к Алма-Ате, городу, где выросла Айя. Понять дух города, его *genius loci* – значит понять многое в этой странной, талантливой, импульсивной глухой девушке.

Алма-Ата – это яблонное, или яблоневое, место. Как отмечено выше, одна из ведущих ассоциаций с Алма-Атой – яблоки. Историческая справка: в 1865 году в окрестности города Верного (будущая Алма-Ата) первые саженцы апорта привез переселенец из Воронежской губернии – Е. Редько. Путем селекции и скрещивания с дикорастущей яблоней был выведен новый сорт яблок. В 1900 году результаты плодородства Верненского уезда экспонировались на Всемирной выставке в Париже, где сорт апорт и приобрел свое имя благодаря тому, что выставочный стенд находился у дверей, а по-французски *la port* – дверь.

«Алма-Ата недаром переводится как “дедушка яблок”. Яблочные сады после появления огромной массы эвакуированных подвергались самым настоящим набегам. Не привыкшие к такому количеству яблок “воришки” страдали от расстройства желудка. Сторожа гонялись за ними, заставляя вернуть похищенное, но бывало, глядя на жалкие, дрожащие от голода фигурки, разрешали уйти с яблоками, говоря: “Приходите еще, только не воруйте, не ломайте ветки, а попросите. Мы – дадим!”» [4].

Писатель Юрий Домбровский, которого называют хранителем алма-атинской старины, пишет: «Сады везде» [2, с. 11]; «А над садами тополя» [Там же, с. 12]; «А над тополями уже горы» [Там же, с. 12]. Алма-Ата – царство птиц: «С час как бойко началась переключка петухов. Горланили – один бойчее другого – все дворы города. Не смолкая чирикал и заливался вишенник. <...> В городском парке по вечерам ухаёт филин. <...> ...Иволги кричат и поют на автобусной остановке в центре. На тесовые крыши предместий (их тут зовут по-старому – “станции”) садятся фазаны. Сидит такой красно-желтый красавец и тревожно озирается по сторонам: залетел с прилавка (так здесь называют травянистые холмы) и сам не поймет зачем. <...> Словом, нигде в мире, сказал мне один зоолог, дикая природа не подходит так близко к большому городу, как в Алма-Ате» [Там же, с. 12], – сообщает рассказчик Юрия Домбровского. Именно в таком птичьем царстве должен был поселиться рубинский Зверолов, Каблуков, заводчик канареек.

В Алма-Ате начинается одна из завязок сюжета «Русской канарейки». Персонаж с фамилией Каблуков (Николай Константинович), тот самый одесский дыхатель, волею судьбы становится алма-атинцем, и его связь с Алма-Атой подкрепляется полушутливой городской топографией: «А Каблуков... да бог знает, откуда она взялась, немудреная эта фамилия (еще и тем оскандаленная, что одна из двух алма-атинских психушек, та, что на одноименной улице, одарила эту фамилию нарицательным смешком: “Ты что, с Каблукова?”)» [5, с. 16].

Помимо сугубо индивидуальных примет локального текста, Алма-Ата – это прежде всего Восток. Потому атрибуты восточной культуры также являются паттернами алма-атинского текста. «...Тюбетейка! Он <Каблуков. – Э. Ш., Е. Л.> всю жизнь их носил: четырехгранные “дуппи” – твердые коробочки, с простеганными белой ниткой перцами-каламбир, самаркандские “пилтадузи”, бухарские золотошвейные... Самые разные тюбетейки, любовно вышитые женской рукой. <...> Он бегло говорил по-узбекски и по-казахски; если брался готовить плов, от чада нечем было дышать, и морковка прилипала к потолку, но получалось вкусно» [Там же, с. 18].

Горы, сады, тополя – центрально-азиатская специфика, она же – ряд паттернов как восточного текста, так и алма-атинского: «Дом стоял на окраине Алма-Аты, у самых гор, в апортовых садах Института плодоводства и виноградарства... <...> Справа тянулся бетонный забор за шеренгой серебристых тополей, раскидистых и светлых, с большими, в две женские ладони, плескучими листьями... <...> ...Простирались сады... <...> Они просто назывались так: апортовые сады... <...> Еще была поляна, обсаженная пирамидальными, с недовольным вороньем в кронах, прямыми и темными тополями... <...> И всегда висел над садами, то потрескивая и вибрируя от зноя, то разбухая – особенно весной после дождя, – терпкий слоистый запах, вернее, пестрый ковер из неопикуемых горных запахов: шалфея, душицы, лаванды, сладковатого красного клевера и лесных фиалок, что росли в укромных уголках сада» [Там же, с. 24–25]. Не прошел мимо тополей и Домбровский: «Тополей было много, целая аллея тополей – весь внутренний двор и тюрьма...» [1, с. 362] – их

видит из окон кабинета допроса персонаж Домбровского. «...Корнилов увидел в нем сияющую призму фонаря и черно-синие чуткие острые листья тополей» [Там же, с. 430]. «Тополя эти посадили еще при самом основании города. <...> Они были веселые, свободные, живые. <...> Гулял небольшой ветерок, и листья поднимались, опадали, ползли – дерево дышало, по его жилкам пробегала зеленая кровь, в нем бились миллионы крохотных сердечек. И какими же живыми, дружественными, сердечными, настоящими показались ему эти тополя. И плевать ему было на тюрьму, прокурора, оперативников!» [Там же, с. 453], – думал Зыбин, герой «Факультета ненужных вещей».

Рубинский алма-атинец Зверолов/Каблуков научил Илью чувствовать «воздушный пирог» – загадочное и чудесное метеорологическое явление, когда вечерами в садах теплый и холодный воздух перемежаются слоями; теплый пах алма-атинскими яблоками, а холодный – остывшим камнем и травами; и если, утихнув и закрыв глаза, стоять, то кожей можно почувствовать дыхание сада, ощутить, как ходят волны, слои «воздушного пирога», – делится ощущениями Ильи рассказчик.

«Ты вдыхай его, питайся, – говорил ему Зверолов, – ноздрями вытягивай – смакуй... Хороший нюх человеку очень пригождается» [5, с. 39]. Впоследствии Илья передаст эту премудрость, этот взгляд, умение видеть и вдыхать красоту своей дочке – Айе. «Она и много лет спустя, в невообразимой дали от дома, стоя на берегу океана и глядя в слепящую синь, заряженную мощной стихией запахов: водорослей, рыбьей чешуи, мокрого камня, песка и просмоленных лодочных досок, могла без труда воссоздать в носовых пазухах точный отпечаток многоструйной симфонии запахов сада, терпкий аккорд, в котором слились острый весенний запах старых тополей (палые ветви, кора, резковатая пыль); плесневелый дух грибницы после дождя: прозрачный аромат цветущих яблонь и несладкий, тонкий, но парящий над всем садом незабываемый апорт, его душистая кислинка» [Там же, с. 301].

И Домбровский отмечает воздух как портретную черту Алма-Аты: «А воздух, чувствуешь? Да, воздух здесь был особый. Болото курилось тысячами запахов, тонких, терпких, не смешивающихся друг с другом. По-одному пахли мох и вода, по-другому – неясно и терпко – осоки. Неуловимый чайный аромат исходил от странных, бурых цветов с телесно-серыми лепестками и мохнатой пчелиной шапочкой, и совсем иным – водой и торфом – несло от широких промоин с совершенно прозрачной, но, как казалось сверху, черной водой» [2, с. 127].

Не случайно фотоработы, исполненные Айей в Алма-Ате и ставшие трамплином к «свободе», или отъезду, или бегству, назывались циклом рассказов (так она именovala свои снимки) – «Ветер апортовых садов».

Так, воздух, закипавший «всепобеждающим ароматом яблок сорта апорт» [5, с. 26], становится паттерном алма-атинского текста.

«Главный признак Алма-Аты – Апорт называли символом Алма-Аты: яблоко весило чуть не килограмм. Гигантские, круглые пахучие плоды, красно-полосатые, от малинового до бордового, с зеленоватой кисло-сладкой сердцевинкой – они до февраля могли храниться просто в серванте. Бабушка рассказывала, что раньше их продавали с телег, высланных сеном, – горы пунцовых яблок, покрытых тонким слоем воска.

На вокзал апорт ведрами выносили к поездам, ведрами продавали на подходе к базару; золотисто-малиновыми курганами пузатились прилавки фруктовых рядов на Зеленом базаре.

На улице Абая, где яблони росли вдоль арыка, роняя в воду плоды, а те плыли, плыли, стремительно кружась, как поплавки, и скапливались у коллектора,

можно было просто опустить руку в холодную воду и выудить самое красное, самое пахучее и уже мытое яблоко: бери и надкусывай, успевай лишь отирать ладонью сладкий сок с подбородка» [Там же, с. 26].

Рассказчик, как бы предвидя недоуменный вопрос читателя XXI века: а где эти яблоки ныне, отвечает устами героини-бабушки: «...срок жизни любого сорта яблок – лет сорок, после чего им снова нужно заниматься: се-лек-ци-они-ро-вать» [Там же, с. 27].

Так и случилось: такого сорта больше нет, как раз к нашему времени.

Рубинское описание алма-атинских яблок звучит в унисон описанию, сделанному Домбровским: «...Он сказал: если я хочу достать яблочек... <...> ...вы апорт спрашивайте! Только его, только его! Как вы в Москве чемодан с ним раскроете, так все рты поразевают, там и яблок таких сроду не видели. Каждое с килограмм! Потому и город называется Алма-Ата, что – отец яблок. <...> Только апорт! <...> Это действительно почти невероятное яблоко – огромное, блестящее, ярко-красное. Когда я впервые увидел его, то не поверил своим глазам. Оно лежало на черном жестяном подносе, исписанном огромными трактирными розами, и розы не казались уже огромными, яблок было всего три, но они занимали весь поднос – лучистые, лакированные, как ярмарочные матрешки, расписанные мазками, пятнами, какими-то вихрями света и зелени. Они были так хороши, что я побоялся их тронуть. А вечером я все-таки разломил одно. Оно сухо треснуло, едва я прикоснулся к нему, и мне в лицо брызнул искристый, игольчатый сок. Я поднес половину яблока к лампе, и оно вдруг сверкнуло, как кремь, льдистыми кристаллами и хрусталиками, – кусок какой-то благородной породы – не мрамор, не алебастр, а что-то совсем другое – легкое, хрусткое, звонкое, не мертвое, а живое лежало у меня на ладони. Алма-атинский апорт! <...> По имени этого яблока не стыдно назвать не только город, но и целый край. Если бы Вильгельму Теллю пришлось целиться в такое яблоко, он бы не был героем» [2: 64–65]; «Это почтовая контора. Отсюда во все концы страны летит знаменитый алма-атинский апорт» [1, с. 82].

Главная мета города провоцировала на избыточные поступки; так, алма-атинец Потапов из романа Домбровского научился выращивать яблоки, «на которых проступали совершенно ясные изображения Ленина или Сталина... Пять из этих яблок экспонировались в музее. Сейчас Потапов вырастил и хотел прислать еще три, с лозунгами и государственным гербом» [1, с. 55].

Еще паттерны алма-атинского текста – это горы и речка Алма-Атинка. Илья, персонаж романа «Русская канарейка», описывает профессиональную вотчину своей бабушки: «Мы в полукольце гор, понимаешь? <...> ...Протекала речка Алма-Атинка... <...> А дальше холмились предгорья... С них начинался подъем в настоящие горы, в Алатау. Почему-то назывались эти предгорья по-базарному, “прилавками”, и каждой весной Илюша с бабушкой ходили туда за подснежниками» [5, с. 27–28]. В этом фрагменте сосредоточен почти весь ландшафт Алма-Аты. Домбровский: «Мы прошли между двумя рядами яблонь, пересекли по тропинке густой темный вишеник и спустились к Алма-Атинке. Она кипела между узкими берегами и была зелеными фонтанами. У больших камней вскипали водяные воронки и мелкие буруны, а на самой середине ее, около огромной глубины, гладкой и черной, как бегемот, опустившийся на колени, крутились ключья сердитой пены, листья и какой-то сор. Мельчайшая водяная пыль висела над кустами...» [2, с. 67]; «...Стоял и смотрел, как она грохочет, крутится и шипит меж камней, и чувствовал всей кожей, какая это ледяная, обжигающая вода» [Там же, с. 114]; «...Горная речка, вдруг резко из-

гибаясь, ныряет в лопухи и через двести метров появляется снова ласковой тихой Алма-Атинкой – спокойной городской речкой. <...> Здесь купаются. Здесь лежат и загорают. Сюда любят бегать ребята» [Там же, с. 126]; «...Настроение... было такое, что хоть сейчас в Алма-Атинку» [1, с. 382]. Мы намеренно перемежаем фрагменты рубинского повествования с отрывками из романа Домбровского, – создается единый текст, с заостренными деталями портрета города, а значит, с рецептивными стереотипами Алма-Аты.

«...Алатау, “пестрые”, – принакрылись ворсистым густотканым ковром, с бесчисленными оттенками желто-багряных, пунцовых, ржаво-золотых кустов и деревьев. По небу кружили дырявые – пенка на молоке – облака» [5, с. 40]. «Утренние горы поднимались спокойные, ясные, в матовом серебре и сизом сорочьем оперении» [1, с. 351]. Так вырисовывается ландшафт, а с ним и распространенный портрет собственно Алма-Аты, который знаком носителю культуры страны, даже никогда не бывавшему в этом городе. Писатели лишь размыкают расхожие локальные клише и наполняют их плотью и кровью. (См. информацию выше об опросе интернет-пользователей о городе Алма-Ате.)

По аналогии с ташкентским текстом (см.: [9, с. 168–172]), в рубинской Алма-Ате также живут полураженные, полусумасшедшие – видимо, таков портрет любого полиэтничного города, или «маленького Ташкента»: «Встреча с безумцами всегда была – нечаянный театр. Две его знакомые чокнутые старушки ездили в троллейбусе номер девять – от проспекта Ленина до кинотеатра “Целинный”» [5, с. 35].

Алма-Ата Домбровского также населена чудаками: «Здесь же печально бродит между ларьками некая туманная личность. Завсегдатаи знают, что это актер и поэт-новеллист. У него страшное, иссиня-белое, запойное лицо. Из театра его сократили, и вот он теперь ходит по рынку и гадает. Под мышкой у него толстый фолиант “Как закалялась сталь” – издание для слепых. Он кладет его на колени, распахивает и гадает» [1, с. 83]; «Зыбин этого чудака знал. Месяц тому назад он подал объяснение в милицию (нажаловались соседи) и подписался так: “Тений I ранга Земли и Галактики, декоратор-исполнитель Балета им. Абая Сергей Иванович Калмыков”. <...> ...Он был... одет не для людей, а для галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное – красно-желто-сиреневое. <...> По улицам Алма-Аты ходил странный человек – лохматая голова в старинном берете, широкие брюки из мешковины, сшитой цветными нитками большими стежками, с огромной расписной сумкой на боку» [Там же, с. 85–89].

Ненавязчиво повествователь Рубиной знакомит читателя с топографией Алма-Аты: Татарка, один из старейших районов города, – в Татарке жил один из персонажей романа – Морковный, это «неподалеку от Малой Станицы – некогда старой казачьей окраины. Татарка граничила с зоопарком, и потому днем и ночью над ее разбитыми, запутанными, тесными колеями улочек... разносился вой, клетот и рык обитателей клеток. <...> Помимо типичных казачьих домов, с наличниками и ставнями на окнах, с высоким крыльцом, окруженным курами, – встречались там дома из вагонных шпал» [5, с. 41–42]. Упомянут и Государственный музей искусств имени Абылхана Кастеева – «Кастеевка», где Айя, главная героиня романа, выставляет на фотовыставке свои рассказы.

Здесь же, в одном из городских локусов, Айя получила «отметину», легкое увечье: «...Айе исполнилось лет пятнадцать, когда с подружкой Милкой она гуляла по проспекту Аль-Фараби, объездной кольцевой дороге недалеко от дома.

Их обогнал грузовик – обычный армейский грузовик с брезентовым верхом, в котором сидело четверо солдат на ящиках с апортом. Обогнав девочек, солдатики что-то приветливо прокричали, а один, высунувшись из-под навеса, перегнулся через борт и с силой кинул им огромное яблоко.

Этот роскошный, твердый, увесистый плод, обрета в полете дополнительную силу скорости, как маленький снаряд прилетел Айе прямо в левую грудь... От силы удара и от страшной боли, пронзившей левую половину тела, девочка упала и долго молча корчилась на асфальте, прижимая обе ладони к левой груди, будто клялась кому-то в вечной любви, а вокруг нее на коленках ползала перепуганная, плачущая от жалости Милка» [Там же, с. 309–310]. Этот «яблоневоый» след останется с Айей на всю жизнь.

Главный локус Алма-Аты в мировом дискурсе, конечно же, Медео – «с этим овалом-медовым, леденцовым, дух захватывающим словом в их жизни появилась ликующая тайна двух заговорщиков: счастливые острова воскресных дней...» [Там же, с. 268–269]. В будущем, когда Айя повзрослеет и покинет, почти бродяжничая, родной дом, это счастье от Медео, этот ветер будет ей напоминать детство. «В бесстрашии ее натуры, в бродяжьей цыганской тяге, что позже вспыхнула в крови солнечным пучком, выжигая в ее душе тавро ликующей свободы, содержалась, возможно, толика того ветра воскресных дней на Медео, с которым она породнилась в детстве. Того сильного ветра, что отвешивал поощрительные оплеухи, подгонял в спину и учил подниматься со льда» [Там же, с. 273].

Базары и гастрономия – конек Рубиной, с одной стороны; с другой – одна из содержательных ниш локального текста. Алма-Ата, будучи по культуре все же восточным городом (несмотря на большую долю русского населения), имеет базары, те самые, что «визитная карточка Востока», или, по словам исследователей локальных текстов, «брендинговый подход к формированию туристически привлекательного образа территории» (см. тематический выпуск сетевого журнала «Лабиринт»: [3]).

Рубинский повествователь взглядом культуролога комментирует растиражированность базара как меты Востока: «...Еще несколько фраз, вполне, на посторонний взгляд бессмысленных или банальных, вроде упоминания о “прекрасных рынках Востока”, где можно увидеть все, что душе угодно, “вплоть до настоящих персидских ковров, которым так фанатично предан твой супруг”» [6, с. 393], – в этом суждении сформулирован, по сути, один из ориенталистских паттернов.

«...С утра просыпался Зеленый базар напротив, раскошегаривал свои тандыры, раздувал угли для шашлыков, насаживал кусочки баранины на палочки и выкладывал их рядом на мангалы» [5, с. 53]. Как видим, Рубина одухотворяет и олицетворяет базар, потому как именно таким живым организмом и является базар на Востоке. «Опрятные корейки выставляли на прилавки миски со своими остропахучими салатами и закусками, всеми этими пряными морковками, капустами, грибами, требухой, фунчозой, рыбным и мясным хе... Сухие терпкие струи запахов – перец, куркума, кинза, зира, барбарис – витали над мисками и горками разноцветных специй, и вся эта благоуханная отрава, смешавшись за день с приторным духом кондитерского рая, под вечер способна была довести голодного человека до обморока» [Там же, с. 53–54]. «...Илья с завернутым в кулек увесистым куском саномьяна – рассольного острого сыра, похожего на брынзу, – вышел из центрального павильона Зеленого базара на улицу Горького» [Там же, с. 57]. Автор упоминает еще ряд базаров – достопримечательностей Алма-Аты: Рахат, Аль-Фараби, Болашак, Европа, Барыс-3 – «страна чудес», «где можно было купить всё, с серьезным видом

увлеченно добиваясь мизерной цены» [Там же, с. 294], – еще одна черта восточного текста.

Алма-атинскому Зеленому базару Домбровский сложил оду в романе «Факкультет ненужных вещей» (см.: [1, с. 79–82]): базар – «здорово продуманный и четко сформированный организм» с плодами чрезмерными – вкусом, размерами, рвущейся наружу страстью: дыни, арбузы, помидоры, лук... «Я... три яблока ей самых крупных сорвал, она даже перепугалась: “Ой, ой, какие, разве такие бывают?”» [Там же, с. 32].

Стихия в виде землетрясения стала паттерном восточного (в рамках советского Востока) текста: «Выросший на земле, в апортовых садах, Илья высоту не навидел и втайне ее боялся. <...> ...За годы студенчества пережил тут несколько землетрясений, однажды застряв в темной и душной кабине <лифта. – Э. Ш., Е. Л.>» [5, с. 54–55].

В романе Ю. Домбровского «Хранитель древностей» алма-атинская ветвь этого паттерна прописана исторически и аналитически: «...На этом месте ничего не было. Все начисто землетрясение снесло. Одни завалы остались. <...> Хотели уж на другое место город перенести и с Зенковым <градостроитель Верного/Алма-Аты. – Э. Ш., Е. Л.> советовались, а он отсоветовал. Говорит: “Незачем переносить – строили неправильно, вот и снесло. А мы построим как следует – и будем стоять век. Ни одно землетрясение не шелохнет”. И вот верно, стоит – не шелохнется.

– Так, может, и землетрясений с той поры не было? – спросил я.

– Здравствуйте! А одиннадцатый год? – обиделся сторож. Страшнейшее землетрясение было! Земля провалилась, горы разошлись. А что зенковское было, то так и осталось стоять. Даже стекла не вылетели. А вы знаете, какое это строение? Второе в мире по вышине. И ни гвоздя, ни железинки – одно дерево – вот! Что там – никто не знает, может – клей какой. Весь мир удивляется. Иностранцы приезжали – смотрят, ничего понять не могут, как так? Вот что это за здание. А вы: “Землетрясений не было!” Тут такое было, что...» [2, с. 13]; «У города Верного в то время была тревожная и плохая слава. Его знали как край света и гнездо землетрясений необычайной разрушительной силы, как город на вулкане» [Там же, с. 15].

Рубина не обошла своим внимание и местные национальные ритуалы. Так, герой романа, Илья женится на казашке. Ее «тетка настояла на настоящем казахском тое в ауле, настоящем кыз узату.

– Чтобы уж проводы невесты были по всем правилам! Я ее как дочь воспитала и как дочь провожаю; и чтобы бешатар, как положено... И не надо закатывать глаза, Илья! Вот увидишь, это торжественно и трогательно, как и любой народный обряд!

Надо признаться, бешатар – ритуал обнажения перед гостями лица невесты – и вправду его взволновал. <...> ...Когда взлетело над нею полотно из белой парчи, больно стало глазам от алебастровой белизны неподвижного, как на персидской миниатюре, лица... <...> ...Илья, как и положено жениху, высидел во главе стола целое действо под цветистые, невыносимо длинные речи аксакалов» [5, с. 216–217].

Кухня, гастрономия – всегда паттерн локальных текстов. И Рубина не преминула этим воспользоваться, благо – удачный повод, праздничное застолье. «Тут были и баранья сорпа, и хрустящие баурсаки, и жирный бешбармак, не говоря о конских деликатесах – казы, карта и шужуке; а томленный в бараньем жиру лук, припущенный чесноком и специями, щедро заливал мясо и тесто.

Наконец, как корона на царственную главу, была на стол водружена кой басы, баранья голова, над которой в аулах долго и торжественно колдуют: и палят ее, и маринуют, а потом еще томят часами на слабом огне, после чего на огромном, как солнце, керамическом блюде выплывает она, оскаленная... под нож самого почитаемого родственника, чтобы тот под выкрики присутствующих острословов и собственные поучительные комментарии принялся кромсать ее, одаря каждого из гостей заветным кусочком» [Там же, с. 217–218].

Финальным аккордом в представлении Алма-Аты можно считать панораму города, изображенную рубинским повествователем: «...В кабине фуникулера, всплывавшей над острыми пиками елей, поднялись на Кок-Тюбе, где с площадки открывался вид, как отметил гость <германский. – Э.Ш., Е.Л.>, “из первейших в мире”: до кромки горизонта разлилось и шевелилось море огней со сверкающими утесом гостиницы “Казахстан”, увенчанной рубиновой короной, с золотой змеей проспекта Аль-Фараби, с едва видимой, но ощутимо доминирующей над долиной громадой черных гор. И, довершая картину, над этим праздничным кипением пульсировали красные огоньки пролетающих самолетов» [Там же, с. 315].

Однако на этом представление читателю Алма-Аты не заканчивается. Город еще раз предстанет в романе «Русская канарейка» глазами чужого – одессита-израильянина-парижанина – главного героя Леона Этингера, который приедет в Алма-Ату на поиски Айи. Первое, на чем останавливается его взгляд, – это горы: «Красивая дорога... плавно влившись в проспект Аль-Фараби, ввела в город, и некоторое время машина ехала между ...небоскребов, а горы оказались слева, и между тобой и горами практически ничего уже и не было, и дорога поднималась вверх, вверх и вверх... Как-то это называется, она говорила... “прилавки”? <...> На одном повороте внизу он углядел уходящую вниз роскошную березовую аллею, тоже знакомую по ее рассказам и рисуночкам на мокром песке. Вообще, странно было видеть, как пространство ее детства постепенно собиралось и терпеливо, хотя и довольно стремительно, разворачивалось перед его глазами» [6, с. 460–461].

Помимо приведенных примеров – аргументации алма-атинского текста, в локальных пространствах существует пласт, продуцирующий «мифы и предания, дивинации и пророчества...» [8, с. 287–288]. Для алма-атинского текста такая способность весьма характерна. По большей части это опять «яблонева» тема. Одной из интриг, вокруг которой разворачивается сюжет романа Ю. Домбровского «Хранитель древностей», становится именно фольклорная. В прессе появляются заметки о гигантском удаве – пожирателе алма-атинских яблок. Есть ссылки на очевидцев, обыватели находят их – информация подтверждается. Этим необъяснимым феноменом, неуловимым удавом, заинтересуется НКВД, увидев в распространителе слухов посягательство на устои советской власти. Итог истории не прописан, но вполне предсказуем.

После публикаций в местной печати таких сообщений: «За последние дни в районе стана 6-й бригады колхоза “Горный гигант” участилась пропажа кур и кроликов. Колхозники знали вора, но на глаза он показывался редко. 3 августа ребята из 6-й бригады играли в саду недалеко от стана и заметили большую змею. Она поднялась до первых ветвей яблони, срывала яблоки и ела. Ребята догадались, что это удав, и побежали в стан. Колхозники вооружились веревками, длинными шестами, и когда побежали к указанному месту, удава уже не было» [2, с. 24]. «Несколько лет тому назад наш город посетил передвижной зверинец. ...В отдельном павильоне жила огромная, похожая на дракона змея. Днем она спала, свернувшись чудовищ-

ными кольцами, а ночью зеленые фосфорические глаза гада... <...> С этих пор этот легендарный, библейский зверь поселился в яблочных садах Алатау. Два года он был неуловим и невидим. Но неделю тому назад бригадир шестой бригады колхоза “Торный гигант” Иван Федорович Потапов, обходя хозяйскими шагами свой участок...» [Там же, с. 25] – по законам бытования устных нарративов, началось «триумфальное шествие» этого якобы правдивого сюжета. «“Здесь, – говорит он. – В кассете, я его сорок раз щелкнул, во всех видах: и как спит, и как воду лакает, и как яблоки ваши лопает”. – “Ну, а ловить, говорю, кто же будет?” – “А ловить, говорит, специалиста вызывают, я, говорит, не охотник. Мое дело выяснить – есть он или нет”. Ну вот теперь и вы приехали. Как он там, показывал кому эти снимки или врет?»

– Врет, конечно, – ответил я, – змеи яблоки не едят.

– Ну, это уж вы, пожалуйста, не говорите, – поднял ладони бригадир. – Что змей яблоки лопал, это я сам видел.

– А как вы это видели? – спросил я.

– А вот так. <...> ...Пастушок Степка бежит, задохнулся, орет: “Дядя Вань, дядя Вань, идите скорее, там у яблони...” Как он называется-то? Ну, змей-то, как он называется?

– Удав.

– Нет, как-то не так. Он по-научному его как-то. Последнее-то слово – “конструктор”, а вот первое имя – короткое, а все из головы вылетает.

– Боа-констриктор?

– Вот-вот, совершенно точно сказали. – Бова-конструктор. <...> Нет, вы не сомневайтесь, он и в самом деле яблоки лопает» [Там же, с. 67–68].

Молва и слухи, став запредельными, вызвали бурю в прессе – «за» и «против», пока этим сюжетом не заинтересовались «органы». На преддопросе следователь сообщает рассказчику: «К чему подняли этот шум? А шум поднят действительно немалый. В республиканской газете – одна статья, в вечерней – другая. А затем эта история вынырнула за границей и появилась знаете где? В фашистской Германии <дело происходит в 1937 году. – Э. Ш., Е. Л.>. В газете “Фелькишер беобахтер”...» [Там же, с. 121]. Из всей этой фольклорной истории, как водилось, было раздуто шпионское дело.

Город Алма-Ата у Юрия Домбровского представлен в фазе своего зачатия и советского периода – первой половины XX века, у Рубиной – позднесоветского и постсоветского времени; таким образом, у читателя есть возможность ощутить город, наблюдать портрет Алма-Аты почти полуторавековой протяженности. Несмотря на такую «дистанцию огромного размера», «узора милого не зачеркнуть»: алма-атинский локальный текст оставил свой след как в русской литературе, так и в культуре.

Список литературы

1. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей: роман. М.: Новая газета, 2011. 720 с.
2. Домбровский Ю. Хранитель древностей: роман, новеллы, эссе. М.: Известия, 1991. 224 с.
3. Локальный дискурс и конструирование образа территории [Электронный ресурс] // Сетевое научное издание «Лабиринт»: журнал социально-гуманитар-

- ных исследований. 2015. № 1. URL: <http://journal-labirint.com/>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
4. Простаков С. Драники войны [Электронный ресурс] // Русская планета. URL: <http://rusplt.ru/sub/books/eda-11398.html>. (Дата обращения: 15.09.2015.)
 5. Рубина Д. И. Русская канарейка: роман: в 3 кн. Кн. 1: Желтухин. М.: Эксмо, 2014. 480 с.
 6. Рубина Д. И. Русская канарейка: роман: в 3 кн. Кн. 2: Голос. М.: Эксмо, 2014. 512 с.
 7. Рубина Д. И. Синдикат: роман-комикс. М.: Эксмо, 2004. 576 с.
 8. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 621 с.
 9. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 304 с.

ALMA-ATA AS A LOCAL TEXT

E. F. Shafranskaya, E. V. Lebedeva

Moscow City Pedagogical University
the Department of Russian literature

The article considers the Alma-Ata chronotope on the material of the prose by Dina Rubina and Yuri Dombrovsky, which indicates the presence of Alma-Ata local text in Russian culture. The main patterns of Alma-Ata text are apples, mountains, river Alma-Atinka (different loci), the poplars, etc.

Keywords: *Alma-Ata, local text, Dina Rubina, Yuri Dombrovsky, the patterns.*

Об авторах:

ШАФРАНСКАЯ Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4-1), e-mail: shafranskayaef@mail.ru.

ЛЕБЕДЕВА Екатерина Валерьевна – магистрант кафедры русской литературы, магистерская программа «Культурно-исторический и этнолитературный контекст XX века в преподавании гуманитарных дисциплин» (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4-1), e-mail: lebedeva16@mail.ru.

About the authors:

SHAFRANSKAYA Eleonora Fedorovna – doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature, Moscow City Teacher's Training University (129226, Moscow, 2 Selskokhozyaystvenny pas., 4-1), e-mail: shafranskayaef@mail.ru.

LEBEDEVA Ekaterina Valerevna, master Student of the Department of Russian literature, the Master's programme "Cultural-historical and ethno-literally context of the XXth century in the Humanities teaching" (129226, Moscow, 2 Selskokhozyaystvenny pas., 4-1), e-mail: lebedeva16@mail.ru.